

МАСТЕР

Хрестоматия еще не вторглась сюда, ничего не упростила, не натворила бед. Все — впервые, внове, даже портрет, примелькавшийся специалистам, но еще не «прочитанный» миллионами читателей.

Есть портреты, узнаваемые по одной скупой черте: пенсне со шнурком над бородкой, а то и полупрофиль с размашистой летящей линией носа. Со знакомым портретом к нам прихлынет память о книгах, о жизни, знакомой с детской, школьной поры. Биограф окунется в привычное, близкое множеству людей, у него прочные опоры и постоянная опасность стереотипов — они подстерегают биографа на каждом шагу. Отыскать свое, открыть новизну бывает трудно.

Уже много лет мы наблюдаем за тем, как решает эту авторскую задачу Владимир Лакшин, обращаясь к творчеству и биографиям Льва Толстого, А. Островского, Чехова, Бунина, Блока, Твардовского; решает всякий раз с чутким пониманием особенности каждого из них, сохраняя неизменным, пожалуй, только одно: самого себя, интонационное богатство своего голоса, которому так естественно даются переходы от доброй участливости к иронии, от лукавства к почти эпической сосредоточенности размышлений. Это счастливое свойство человека, его мысли и голоса: не вламываться, не врваться судией в минувшие времена, а входить в них по какому-то нравственному праву личности, входить правдивым свидетелем, очевидцем, строгим, но

милосердным современником.

Жизнь и творчество Михаила Булгакова открыли особые возможности перед В. Лакшиным (и режиссером фильма «Мастер» Ольгой Козновой). Словно наворачивая упущенные десятилетия, ученые-филологи, театроведы, мемуаристы спешат разгадать загадки жизни М. Булгакова, собрать по крупицам все ее свидетельства, реалии, объяснить себе и читателю глубину и своеобразие его произведений. Уже к этому достойному процессу возрождения примешалось и зло, и непомерное тщеславие, и, казалось бы, столь чуждые нашему дню темные подозрения, но все это, порожденное спазмой торопливости, недоброй «соревновательностью», минет, забудется, и мы вполне откроем для себя главное: достоинства работ о жизни и творчестве М. Булгакова — М. Чудаковой, Л. Яновской, А. Смелянского, П. Маркова, Д. Лихачева, В. Виленкина, того же В. Лакшина и ряда других исследователей. Ветер времени унесет мусор далеко за спины идущих вперед, делающих одно дело, унесет в невозвратное.

«Телевизионный» Булгаков до крайности юн — я не упомяну ничего, кроме давней серьезной передачи о нем, которую вел Константин Симонов. И неудивительно, что первое, самое общее ощущение от «Мастера» — ощущение свежести и новизны, почти студийной

свежести этого умного зрелища, при всей его обнаженной горечи и грузе нелегких времен, при том, что мы с интересом наблюдаем на экране отнюдь не студийцев, а таких мастеров, как О. Борисов или Ю. Яковлев. Даже старый, как мир, Воланд в исполнении Ю. Яковлева как-то странно молод душой, весел, он словно бы купается в животворящем утреннем свете неподражаемых реплик и диалогов Мастера.

Поначалу авторы фильма — биографы. Древо творчества Булгакова только однажды осенит киевский его дом на Андреевском спуске, реплики, и несколько мизансцен из «Дней Турбиных» возникнут несобранно, обрывисто и как-то вразброд. Но щедро будут звучать слова и признания писем, автобиографические строки, содержательный, ностальгический комментарий к поэтическим картинам Киева, днепровской шири, к златоглавым памятникам города и к образу города-памятника, памятника каждой своей пядью, от осененного крестом Владимира на горе над Днепром до дома в два этажа с улицы и в один — со двора.

В послеуниверситетской биографии М. Булгакова возникнут в телефильме серьезные пропуски, отчасти невосполнимые; без скоротечной смены властей в Киеве 1918 года, без скитаний по югу страны, без мучительных поисков-раздумий

той поры не все откроется нам и в «Беге», и в «Днях Турбиных», в прозе и драматургии Булгакова двадцатых годов, источнике его силы, его личной и в то же время общественной драмы.

Но я не упрекнул бы авторов за этот никнувший, ускользающий пунктир. Чем-то нужно было жертвовать в рамках двухсерийного документального фильма или настоять на пяти-шести сериях, особенно учитывая имеющийся иконографический и киноматериал.

Авторы последовали мудрому закону самоограничения, переступая иные ступени, на которых можно бы и задержаться, рассказав о талантливых сатирических новеллах Булгакова, о гудковцах, его коллегах, о мхатовских горьких мытарствах писателя. Уверен: авторы перешагивали иные ступени с душевной болью, с досадой на себя, с неслышимым стоном; кому, как не им, знать, как волнуящи были перипетии состоявшихся и несостоявшихся премьер пьес Булгакова на сцене Художественного театра, как весома и значительна была поддержка Булгакова Горьким и Луначарским против осипших в криках критиков, среди которых были не только канувшие в Лету рецензенты, но и такие личности, как Вс. Вишневский или Ф. Раскольников. Упомянув о гонениях, об остракизме, о непонимании М. Булгакова, авторы «Мастера» и не покусились

на то, чтобы глубже распахать самое время.

Но, кажется, я начинаю судить их талантливую работу пристрастным судом булгаковедов, требуя от двухчасового фильма полноты и обстоятельности научной монографии. Кажется, правы они, ограничив событийные рамки фильма, чтобы сделать наше первое знакомство с Михаилом Булгаковым полным и смысла, и тайны, и той недосказанности, которая сама по себе влечет, обещая новое узнавание в будущем.

...Потом весь первый план фильма заполонит роман «Мастер и Маргарита». Не раз прослышатся отзвуки «Театрального романа», голоса современников Булгакова, свидетельства М. Прудкина, по-июношески счастливого собственными воспоминаниями, словно возвратившегося в далекую довоенную пору. Москва, ее улицы и дома будут ревниво оберегать свои булгаковские секреты от нас, нерадивцев, не сумевших понять Булгакова при его жизни, — многое еще ждет нас в этой насыщенной ленте, но теперь биография сольется с творчеством, страницы романа — с живым дыханием, и возникнет это не капризом и волей авторов, а потому, что само творчество Мастера мощно, а бы сказал, яростно обнаружит свою автобиографическую основу.

Конечно, тот, кто прочел «Мастера и Маргариту», глуб-

же, взволнованнее примет вторую половину фильма, а мы еще так мало сделали для того, чтобы роман прочитали миллионы. Но и для того, кто не знает книги, ожившие ее эпизоды представят самостоятельную ценность, и поэтическую, доходящую до трагизма, и сатирическую. И разбудят жажду: узнать, прочесть, прикинуть к этому источнику.

Вероятно, и после «Мастера» иной из зрителей, увидев портрет Булгакова двадцатых или начала тридцатых годов, почувствует нечто тревожно-знакомое и все же не отгадает, кто он, этот незнакомец? Но одной фотографии, я уверен, никому не забыть: фото-портрет (1939) человека в меховой шапке, в пальто с шалевым воротником, в темных очках, надеть которые заставила его тяжкая, смертельная уже, болезнь, лицо за рядами чернильных написанных поверх фотографии строк, обращенных к любимой женщине и уже как бы отгораживающих его самого от сует жизни, от ее болей и несправедливостей. Как в некий оптический фокус собрал этот портрет драму жизни.

Фильм получился серьезный, умный и нежный. Как-то исподволь возникли в нем и высота, и исключительность личности, с которой авторы попытались познакомить зрителя.

А неполнота «Мастера», его самоограничение, благородное по самому замыслу, — это еще и обращение к другим художникам: к молодым в том числе: Пробуйте! Дерзайте!

Александр
БОРЩАГОВСКИЙ.